

Раньше, в дни прежних стариков, солнце называли «санце» – от древнего слова «сан», которое означало свет, тепло, весну, в некоторых деревнях плодородие и зеленый цвет (почему зеленый, когда солнце белое?). Сейчас такой говор остался лишь у самых далеких поселений, где люди сохранили привычку засаливать мертвецов и делать «плотову едчину» – хлеб с мясом, символизирующий мертвое тело уходящей зимы.

У них же готовят яглицу – запеченные в телячьих почках яйца, похожие на пробивающиеся сквозь жидкую весеннюю землю ростки. Когда Альбара была маленькой, она никак не могла взять в толк, почему же в одних местах землю обозначает хлеб, а в других – мясные туши; она не нашла ответа на этот вопрос, даже повзрослев, – просто перестала его себе задавать.

Зато маленькая Вилеке неустанно расспрашивала бабушку, заставляя ее ломать голову.

«Почему Рожденица приходит весной?»

«Почему мы в этот день готовим яглицу?»

«Зачем идти всей семьей? Можно мне дома посидеть?»

«А почему ты не стала Рожденицей?»

И так повторялось третий год подряд. То ли у Вилеке была такая дырявая голова, как о ней думал отец, то ли просто проверяла бабушку – говорит ли она правду.

Последний вопрос неизменно сердил и расстраивал Альбару, и та давала Вилеке по голове и приказывала ей помогать с делами, а если помогать нечем, так не болтаться под ногами. В отличие от других стариков, Альбара не умела общаться с детьми и не радовалась их появлению; это и понятно, она же женщина. Есть все-таки некая мудрость в том, что женщины не доживают до старости...

У них хотя бы тело не разваливается на части.

Говорят, в старости только и остается, что семья и воспоминания. Это Альбара живет неприкаянно, нашла себе угол в доме брата, и с каждым днем все сильнее и сильнее ощущает, как она тяготит его жену и детей. Лучше бы старуху попрекали хлебом или давали больше работы, чем остальным, – так было бы честней и правильной. Но никто Альбару за жизнь в чужом доме не ругал; просто не понимали, почему все сложилось именно так.

Да чтоб она знала.

Зато воспоминаний оставалось с избытком, даже больше, чем хотелось бы; чем старше становилась Альбара, тем более настоящим и предметным становилось ее прошлое. Уже во сне она не понимала, где находится, и лишь задавалась вопросами: это что, старый дом? Откуда, он же погорел? Вот сестра, Вура, счастливая, окруженная детьми; Альбара ее спрашивала, как так получилось, а Вура ей отвечала «Нет-нет-нет, я не

Рожденица, что ты». Ну как же не Рожденица, если дети вокруг? «Да родила, и всё». Но как?! Вура начинала суетиться, дети мазались земляными красками, врывались мужчины, переодетые кто козлом, кто солнцем, кто дураком, и начинали шуметь: катать ребятишек по дому и по двору, горланить неостановимые песни, чей мотив и слова менялись в зависимости от общего настроения или времени дня... И было что-то жуткое в этом возвращении мертвых, в их радостном и беззаботном настроении. С Альбарой провели изгнание душицы, но сны возвращались, и уже все смирились с тем, что бабушку не исправить. Чего она еще хотела-то, старая?

Взгляд в прошлое ужасает; но, кроме него, в старости ничего и нет. Семья... семья – это люди с постоянно меняющимися лицами, и лишь память может сохранить их облик в самый лучший – или худший – миг времени. Тогда как вне памяти семья даже не одни и те же люди, какими их помнишь.

Опять глаза чего-то щекочет.

Как и во сне, день Рожденицы проходил сумбурно и ярко. Этот праздник всегда запоминался неостановимой работой, бесконечными хлопотами, раздражением и криками – детей, людей, животных... И песнями, да, – вот парни вместо того, чтобы помогать мужикам, ходят по деревне, поют, орут и уже набрались, хотя шествие еще не началось.

И так каждый раз. Чего ж им не веселиться-то? Вот чему девицы радуются в Рожденицу, Альбара никак не могла взять в голову. С чего им смеяться и хохотать? Молитву читать богам – это традиция, с ней все ясно. И Альбара ее читала в свое время. Но – искренне ждать Рожденицу и надеяться, что ты станешь следующей?

Вот мужики закончили все и говорят:

- Ну че, пошли?
- Как так рано? – засуетилась Дита, старшая дочь Вуры. – Бабуль, ты закончила яглицу?
- За ней последить бы...
- Руман остается, пошли! Без тебя нельзя.

Руман – толковый парень, и Альбара не против. Конечно, надо бы оставить женщину, но без женщин шествие не совершается, и Альбара опять должна плестись вместе со всеми в самую пущу леса, хотя всем ясно, что Рожденицей ей уже не быть. По ее поводу даже спорили, нужно ли или не нужно старой идти с остальными бабами; в итоге нашелся один ученый человек, который все обычаи собирал и записывал, и там у него было сказано, что идти должны все женщины. Значит, и старые в том числе.

Ну и что, что раньше не было старых?

А все же что дома нельзя остаться, жаль. Могла бы за яглицей приглядеть.

Девки все разукрашенные, у кого лица красные, у кого желтые, а кто-то просто дрыщей намазался и теперь сияет темно-рыжими щеками. Мужики не красятся, но зато принарядились кто во что горазд: один в рубашке задом наперед, другой в шапке, хотя пятый солнечный день, третий овчину накинуд и рога из палок установил... Весело им; хорошо, что весело. Праздник на то и праздник, чтобы развлекаться и гужевать.

Самые легкие дети взобрались кто на руки, кто на спины взрослым; те, кто постарше, шли сами – прыгали по кочкам, кряхтя, перелезали бревна, спотыкались, убегали вперед – резвились, как козлята. Высокие затяжные песни сменились марширующим речитативом. Тут могла присоединиться и сама Альбара: голос у нее, конечно, не самый звонкий или красивый (особенно сейчас), но зато громкий. Даже если шатуны уже проснулись, то пение их точно напугает, и нет нужды опасаться, что к людям выйдут дикие звери.

Зря они оставили Рожденицу так далеко от деревни.

Летом был долгий спор, где стоит проводить грядущий праздник. Стура говорил, что чем ближе к дому, тем лучше, – духу Рожденицы не придется преодолевать целый лес, и он всегда будет рядом с родными. Но в итоге Рибо настоял на дальнем захоронении; мысль была такая – чем меньше людей, тем спокойнее для Рожденицы. И еще ей не придется толкаться с другими духами, хорошо же?

Но теперь уже все жалели о принятом решении.

Обычно Рожденицу проводили в поле; оно и разумнее – на поле больше растений, больше солнца и легче путь. Но семья Альбары уже пять поколений устраивала праздник в лесу – как раз из той мысли, что там поменьше людей. Альбара помнила, как один раз шествие ее семьи пересеклось с шествием дома старика Баласея – неудобно оказалось всем. С Рожденицей хочется остаться наедине, а не слышать бормотание других людей. К тому же детишки начали играть, расшалились и здорово всем мешали...

Уже к середине пути все знатно устали. После коротких переговоров ненадолго остановились – передохнуть, поесть, попить, успокоить детей. Предусмотрительно взяли с собой хлеб, овощи и несколько кусков твердой, как камень, вяленой говядины. Вилеке снова пристала к Альбаре и по пятому кругу задавала одни и те же вопросы.

«Почему Рожденица проходит весной?»

«Почему мужчины не становятся Рожденицей?»

«А ты почему нет?»

«А можно вместо яглицы приготовить матруху?»

«А что если...»

– Хватит! – Это уже не Альбара, уставшая от девочки, крикнула, это расхристанная сердитая Дита заткнула племянницу. Спасибо ей, от чистого сердца.

Вилке шмыгнула носом и прибилась к остальным детям, нашедшим чем заняться во время перерыва: они взбирались на шатающееся, полуразваленное дерево и качались на нем вверх-вниз. Хлипкий ствол обвалился, и ребятишки кубарем полетели на землю, но ничего, кроме расшибленных носов, щек и коленок, их веселье не принесло. После этого, правда, взрослые встали и продолжили путь, пока дети кого-нибудь не убили. Или не убились сами.

Дальнее захоронение было еще тем неудобно, что никто не мог точно припомнить, где именно была спрятана Рожденица. Когда оно поближе к дому, все же понятнее: больше знакомых мест, лучше запоминается, кто куда шел... Но вот сейчас все шествие кружило по небольшой площади, густо заросшей непроходимым бурьяном, а мужчины спорили сквозь нестройную песню, куда им следует двигаться и кто сейчас круглый дурак. Дураков не было, однако места, где могла бы находиться Рожденица, тоже. Снова остановились. Песен уже не пели; точнее, дурашливый Абек запевал, но никто его не поддерживал – устали и разозлились. Уже дети начали хныкать, женщины и мужчины разбрелись по сторонам, как нестройное стадо коров.

Рожденицу нашла Ллия; громким голосом она позвала остальных, а потом долго хвасталась, что лучше всех запомнила дорогу. Рибо ворчал, что она могла бы и раньше выскочить, забыв о том, что сам же перебивал дочь и уверенно вел процессию не туда. Но он все равно был очень благодарен Ллие, Альбара такие вещи хорошо чувствовала. Какая разница, кто и как ругается, раз все удачно обошлось?

А вот и то самое место.

Уютная полянка, отгороженная от всего остального мира оврагом и сгруппировавшимися вокруг кустистыми кедровниками; в ней и светло и темно одновременно. Солнце, падающее на ветки кустарника, создавало на земле пятнисто-полосатый рисунок из кружочков и многоугольных вытянутых фигур. Пробивающийся сквозь замерзшую землю стебель приобрел непонятный цвет – серый под ярким солнцем и зеленый в тени.

У него были большие и мощные бутоны. Как у подсолнечника, только крупнее.

Семья оживленно зашумела: Лалара была художочной девушкой, и никто не ожидал от нее такого

крупного приплота. Альбара подсчитала количество бутонов: четыре. Кто бы мог подумать.

Теперь – самое интересное.

Женщины выстроились в линию; и Альбара тоже – уже по привычке, никто не ждал, что у нее что-либо получится, но зачем-то ее же взяли? Абек затянул песню Рожденицы; обычно это делала какая-нибудь женщина, но у Абека был такой красивый нежный голосок, что издали и не разберешь, что это поет мужчина. Танец никогда не получался стройным: бабы все же слишком привыкли работать, а не плясать. Кому-то даже удавалось плавно так опустить руку от плеча вниз, а вот Альбара, кривая и перекошенная, никогда не попевала за остальными.

Ну и начхать, не отвечать перед кнезем. Как хочет, так и делает.

Это ей и раньше никак не удавалось: Альбара не была плясуньей, она не певица и не хохотушка. Она дичилась веселых сборищ и полностью отдавала себя работе по дому, стараясь ускользнуть от общения с другими, особенно с молодыми. Вура ей сказала, что она уже родилась старушкой, – воля ее, это похоже на правду. Еще и успокаивала: такие раз на раз не приходится.

Да вот только что в этом хорошего?

Вот какая интересная штука: Альбара постоянно себе говорит: «Я не одно, не другое, не третье, не четвертое»; так кто же она?

Старуха, кто ж еще.

Это слово, обидное и оскорбительное, воспринималось Альбарой простым и естественным объяснением ее неестественного состояния. Рожденицы умирают и рожают; женщины готовятся стать Рожденицами и помогают из всех своих многочисленных сил; девочки растут, девушки ищут мужей... А кто же такие старухи? Кто же те, кого называют бабушками? Что они могут сделать для дома, семьи, деревни?

Альбара по себе точно знала: ничего. Ничего они не могут сделать.

Наконец танец завершился: женщины стали вокруг гигантского, раскинувшегося во все стороны стебля и поднесли ему свои руки.

Эти стебли бывали самыми разными, у каждой женщины не одинаковыми. У Вуры было больше бутонов, тринадцать – нет, четырнадцать, один завял, – но и растение получилось маленькое-маленькое, и малыши из бутонов вылезали меньше котят – да какие там котят, с жуков размером! Потом была та еще забота, чтобы их откормить; треть поумирала, но осталось жить семь или восемь – очень много. Много больше, чем дала ее дочь, одна из народив-

Все сразу обернулись к бутонам, но не сразу увидели, как крепко стянутые чашечки дернулись и все одновременно, как девушки в танце, раскрыли венчики. Среди мясистых розовых лепестков, делающих растение Рожденицы похожим на шиповник, виднелись коричнево-красные пятючки, зажмуренные круглые личики и складки плоти, составляющие тело младенца почти все первые четыре года жизни.

шихся в том приплоте, Макфена: у нее всего было двое. Зато, правда, выжили оба, хотя и тоже бутоны выросли незначительные. А тут четыре – и такие большие! Богатыри, не иначе.

И вот песни прозвучала, и вот женщины завершили пляс; но бутоны все никак не распускались.

Все замешкались, растерялись; Альбара в особенности. Что такое произошло? Как?..

– Да дуры, – крикнул старый, сын Вуры, – в другую сторону надо!

– В ту... – ответила Дита.

Но повторили еще раз. Танец, песня, хоровод. Один из бутонов будто бы зашевелился, но тут же застыл – а шевелился ли он вообще?

Стали думать, что пошло не так. Тут-то и пригодился опыт Альбары... но нет – раньше такого она не припомнит. Всегда были танец, песня, хоровод; может, Авек не дотянул? Но он и в прошлый раз пел... Старческая мудрость предполагает знания ответов

на вопросы, но то-то было и оно, что Альбара не понимала, что происходит, и никак не могла это объяснить. Может, Рожденица разгневалась? С чего бы? – Ой, смотрите, смотрите! – закричал мелкий глазастый Росим. – Смотрите, там лезут, лезут!

Все сразу обернулись к бутонам, но не сразу увидели, как крепко стянутые чашечки дернулись и все одновременно, как девушки в танце, раскрыли венчики. Среди мясистых розовых лепестков, делающих растение Рожденицы похожим на шиповник, виднелись коричнево-красные пятючки, зажмуренные круглые личики и складки плоти, составляющие тело младенца почти все первые четыре года жизни.

Малыши одновременно раскрыли глаза и завопили в один противный визгливый голос.

Женщины бросились к малышам; Альбара держала одного, привычным жестом отделяла его от проросшего в пуповину рыльца и думала над тем, как же все-таки странно устроена природа. Как она понимает, что все дети Рожденицы должны проснуться в один миг? Как так получается, что они разом начинают кричать? Ну, правда, такое, на памяти Альбары, происходит не всегда: иногда растение появляется в тени, и тогда детей приходится забирать не на пятый солнечный день, а на восьмой-десятый. А иногда какие-то бутоны распускаются, а какие-то нет. Но все равно: сама песня Рожденицы была написана так, чтобы финальными голосами, звучащими в ней, становились детские крики. Если удавалось так провести обряд, то это дарило невероятное зрелище; и даже у Альбары возникало радостное ощущение праздника, умиление перед новой, зародившейся жизнью...

А сейчас что? Сейчас – это просто новые проблемы: три дополнительных рта в семью. Опять Альбаре не спать, опять с утра до вечера нянчить чужих детей (раз уж ее зачем-то держат), опять думать о собственной бесполезности и горькой судьбине...

Ну ведь могло же, могло быть все иначе. Ан нет. – Не хочу-у-у! – донеслось до ушей Альбары. Она сосредоточенно отделила малыша от растения и начала кутать его в платки. – Не хочу быть Рожденицей! Не хочу-у-у!

Вилеке легла на землю и орала; слезы на сморщенном раскрасневшемся лице перемешались со снегом и грязью, и теперь девочка выглядела чумазее темнички. Мимо нее равнодушно ходили взрослые, занятые спасением и согревом новорожденных малышей; над Вилеке только стояла Ллия, боязливо смотрящая на остальных.

– Ну Вилеке, ну ты еще маленькая, ну куда тебе, – бормотала Ллия, унаследовавшая, вероятно, не-

способность успокаивать детей от общего родственника с Альбарой.

– Не хочу-у-у! – голосила девочка на одной ноте. – Не хочу-у-у!

Липкий страх подкрался к горлу Альбары, и она теснее прижала к себе младенца – маленького темноволосого мальчика.

Она, конечно, все прекрасно помнила. Она ведь тоже должна была стать Рожденицей; даже нашли парня, готового просто стать отцом, без того, чтобы жениться и забирать детей в свою семью. Но в самый последний день Альбара испытала дикий, почти неконтролируемый ужас – как раз тогда, когда на девала гривну на шею.

Она подумала о том, что ей страшно. Она подумала о том, что не хочет умирать – ни этим летом, ни когда-либо еще. Она подумала о том, как мучительно больно ей будет с мужчиной; Рожденицы до заклания неизменно рассказывали любопытным девушкам об игралищах – и о том, что это нестерпимо больно. Ну нет, если ты расслабишься, в позу правильную ляжешь...

Но больше всего Альбару испугала мысль о детях, прорастающих сквозь ее захороненное тело.

Один раз они с Вурой раскопали тело одной из Рождениц, сестры их покойной матери. Они копали и копали, пока не поняли, что вместе с грязью они отделили голову от тела тетки и бросили ее куда-то в сторону. Нашли, перенесли, пытались приставить обратно – не получилось; зато Альбара увидела, как из развернутого мясом и кишками наружу живота пророс зеленый росток – как деревья, цветы весной. Под зимним ветром он немного колебался и выглядел беззащитным; а еще охватывал своими тоненькими-тоненькими корешками все внутренности тетки.

Альбара тогда заорала. А взрослая Альбара, дрожа и потя от детских воспоминаний, сломя голову бросилась прочь, и бежала, бежала, бежала...

Вернулась она через два года, когда поняла, что побираться в других местах хуже, чем терпеть унижение в родном доме. Ее встретили молча; не прогоняли. Только отец спросил:

– Ну че, не будешь?

Альбара хотела пересилить себя, согласиться, принять неизбывную женскую долю...

– Ну и шут с тобой, – ответил отец, когда она, супротив воли, покачала головой.

Она не кричала, как Вилеке, не скандалила, не сучила ногами; ее бунт был даже не бунтом, а трусливой жалкой потугой сохранить свою самостоятельность, которая, как показали дальнейшие годы, не особо-то кому и нужна.

Поэтому она страшно рассердилась; в четыре шага преодолела путь к оружей Вилеке, трахнула ее по спине со всей дури и грозно спросила:

– Ну, че орешь? Хочешь, как я, быть?

Вилеке завсхлипывала, но громче не верещала. Она смотрела, смотрела на бабушку Альбару под затихший хор голосов и молчала.

Молчание старуха расценила как собственную победу.

– Вот, – сказала она решительно. – Вот теперь и прекращай сопли.

Альбара оставила девочку. Ту подняла Ллия, пока Вилеке продолжала всхлипывать. Глаза ее сочлились слезами и ошарашенностью, удивлением, заставляющим девочку выглядеть еще младше, чем она была.

Никто ей не кинулся на помощь.

Но и Альбару никто не поддержал.

Процессия двинулась назад, как обычно; дети, закутанные каждый в семь платков, по дороге перестали реветь, успокоенные покачиваниями и убаюкивающими женскими напевами. Вечером будут выбирать новую Рожденицу; почти наверняка это будет Дита, но надо обсудить и других будущих мамочек.

А Альбара... что Альбара. Ляжет спать в свой уголок и проснется, когда малыши вдруг решат поесть.

Все с нею просто.

